

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А.А. Куракин

СЕРИЯ «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ»

КУРАКИН

Александр Александрович – научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований ГУ– ВШЭ.

Email: chto-delat@yandex.ru

Мы начинаем знакомить читателей журнала с серией книг «Русское зарубежье: социально-экономическая мысль»¹. Первая книга этой серии вышла уже довольно давно – в 2005 г. Однако мы решили подождать, когда будет издано хотя бы несколько работ, чтобы отзывы выходили без больших разрывов во времени. Книги издавались медленно, хотя это всего лишь переиздания, в крайнем случае – переводы (если на русском языке оригинала не существует). На данный момент издано только три книги², однако дальше ждать уже решительно невозможно. В этот раз мы расскажем об этой серии в целом, а в дальнейшем будем давать отзывы на отдельные книги, вышедшие в рамках серии.

Итак, в серии «Русское зарубежье» издаются работы российских обществоведов, живших в эмиграции. Это переиздания их основных трудов, вышедших за рубежом (зачастую опубликованных в издательствах русской эмиграции). Как уже говорилось, это могут быть не просто переиздания, но переводы: некоторые работы печатались на иностранных языках, ведь многие ученые-эмигранты работали в зарубежных университетах и вполне успешно встроились в научные сообщества принимающих стран. Основная цель серии «Русское зарубежье» – сделать эти работы более доступными для российского читателя. Хотя справедливости ради надо сказать, что будучи изданными, книги данной серии с неизбежностью сразу же становятся редкостью из-за крайне незначительного тиража. Как водится, большая часть тиража распространяется среди своих.

У переизданий серии «Русское зарубежье» есть еще одна черта – оригинальные тексты снабжаются «научным сопровождением». Каждое издание содержит вступительную статью авторитетного ученого в соответствующей области (причем, действительно хорошую, не для галочки), приводятся биографические сведения о публикуемом авторе (составление

¹ Проект реализуется Центром современной политической экономики Института экономики РАН, грант РГНФ № 06-02-00200а.

² Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005; Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. М.: Наука, 2006; Маслов С.С. Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007.

биографии – отдельная нелегкая работа, так как в структурированном виде материал найти не всегда удается), наконец, сам текст снабжен комментариями для облегчения их восприятия современными читателями.

Под фразой «социально-экономическая мысль», указанной в названии серии, скрывается очень пестрая компания обществоведов³. Тут вам и экономисты, и социологи, и историки, и философы, и политики. Они интересовались разными темами, писали по-разному, имели разные убеждения. Как справедливо замечено в предисловии к серии, «эти ученые отнюдь не стали дружным станом единомышленников». Конечно, многие друг с другом общались, сотрудничали, издавались в одних сборниках, но никакого сообщества не было и в помине. К тому же стоит учитывать, что среди эмигрантов кого только не было: монархисты, эсеры, меньшевики, анархисты, большевики и т.п. Многие друг с другом прямо-таки на ножах. Поэтому дежурная фраза о том, что их все же нечто объединяет (помимо общей родины и эмигрантской доли), здесь вряд ли уместна.

Вообще, чуть-чуть погрузившись в эмигрантскую литературу (я составлял комментарии к двум вышедшим книгам), вскоре начинаешь испытывать смешанное чувство недоумения и жалости. Читая официальные документы одной эмигрантской организации (не буду говорить какой), вскоре понимаешь, что всё, чем она занималась – это меняла названия. Эти организации не имели ни малейшего шанса достичь хоть какой-нибудь второстепенной цели. В политическом плане они были обречены. Да и политические воззрения многих эмигрантских организаций мне далеко не близки. Не секрет, что во время войны некоторые поддержали Германию – лишь бы сбросить ненавистных большевиков. Да и портреты Власова на некоторых уже послевоенных официальных документах эмигрантских объединений вызывают неоднозначные чувства. С другой стороны, нельзя не посочувствовать этим людям. Их коленом под зад выкинули из страны, лишили родного угла, т.е. того, чего не заменишь никаким бытовым комфортом (который, кстати, был далеко не у всех). Попробуй тут не обозлился на властителей твоего отечества. Однако за что действительно надо сказать «спасибо» эмигрантским объединениям, так это за издательскую деятельность. Достаточно лишь упомянуть издательства «Посев» и УМСА-Press.

Среди авторов, работы которых планируется издать, есть известные имена – П.А. Сорокин, П.Н. Милюков, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. В содержательном смысле уже полный винегрет, не правда ли? Мне точно не известно, что именно планируется издавать у этих «зубров», но работы многих из них и так периодически переиздаются. Возможно, это будут «раритетные» произведения. А они, по всей видимости, есть. Сидя в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» (что на Таганке), я лично наткнулся на такие статьи в совершенно неизвестных эмигрантских сборниках, отпечатанных где-то в Восточной Европе (точно уже не помню, где именно они напечатаны и чьи именно это статьи). Напечатать их стоит, пока не поздно: качество бумаги порой бывает таким плохим, что она крошится в руках (листья их просто страшно).

И все же куда интереснее менее известные имена, которых в этой серии предостаточно. Посмотрев в предисловии на полный список авторов, я обнаружил, что не только не читал работ большинства из них, но даже фамилий многих из них отродясь не слыхивал. Естественно, что их работы эмигрантского периода никогда не издавались в России и в

³ Редколлегией серии заявлен следующий состав авторов: Алексеев Н.Н., Анцыферов А.Н., Билимович А.Д., Бернадский М.В., Бородаевский С.В., Бруцкус Б.Д., Булгаков С.Н., Бердяев Н.А., Бунаков И.И., Бунатян М.А., Вернадский Г.В., Вишняк М.В., Войтинский В.С., Вышеславцев Б.П., Гинс Г.К., Емельянов И.В., Загорский С.О., Зайцев К.И., Зворыкин Н.Н., Иванцов Д.Н., Ижболдин Б.С., Кон С.С., Косинский В.А., Маршак Я., Марков А.П., Маслов С.Л., Маслов С.С., Милюков П.Н., Пешехонов А.В., Прокопович С.Н., Радченко Г., Сорокин П.А., Струве П.Б., Степун Ф.А., Тимашев Н.С., Тотомиянц В.Ф., Федотов Г.П., Чернов В.М., Чупров А.А., Щербина Ф.А., Югов А.М.

лучшем случае долгое время лежали в «спецхранах» центральных библиотек. К тому же, некоторых работ на русском языке нет вообще. Уже хотя бы поэтому издание их трудов – дело важное и нужное.

Но ограничивается ли значение издаваемых работ только малоизвестностью их авторов? По принципу – чтоб было. Издали и забыли. Ведь большинство этих авторов неизвестны не только у нас – их не особо знают и на Западе. Почти никто из них не оставил существенного следа в мировой науке, включая упомянутых выше «зубров». Сорокина оставим в покое – классик он и есть классик. И хотя многие из наших эмигрантов успешно работали в западной академической среде, в большинстве случаев о реальном теоретическом вкладе в мировую обществоведческую мысль говорить не приходится.

На мой взгляд, остается один момент, который не может не вызвать интереса – большинство авторов пишут о России (Советском Союзе). Это взгляд извне в то время, когда изнутри что-либо живое прорастало с огромным трудом. Хотя и здесь нельзя такую разношерстную компанию мерить одним аршином. Ведь некоторые работы носили сугубо теоретический характер и были абсолютно в стороне от течения истории.

Также стоит помнить, что во многих случаях это были видные представители дореволюционной науки, одни из лучших наших соотечественников на тот момент. Да, переворотов в науке они не делали, но это лучшее, что у нас тогда было. Не делая из этих людей идолов и не заводя, по-моему, пустые разговоры о западных теориях, якобы непригодных для наших палестин (с неизбежным выводом о том, что национальные общественные науки надо строить на базе собственных классиков), необходимо трезво оценить труды этих ученых. Лично меня в восторг пока не привела ни одна из вышедших книг. Кое-что понравилось больше, кое-что меньше.

Есть и еще один, пожалуй второстепенный, момент. Это язык, которым написаны работы. Не у всех, но у многих в стиле изложения остается самобытность. Сразу видно – писал «наш чувак». С другой стороны – это «иной наш», из другого мира, по ту сторону зеркального стекла. Я помню, что когда читал А.В. Чаянова и знакомился с некоторыми работами Б.Д. Бруцкуса, я удивился тому, как непривычно хорошо читаются их тексты. Не в том смысле, что они просты до наивности (чего-чего, а этого-то как раз там быть не могло), а в том, что текст гладкий, без традиционных сучков и колдобин, присущих текстам в общественных науках сегодня. Это какой-то другой язык, сквозь который еще проглядывает классический русский роман. При этом не страдают строгость изложения и специальная терминология. Нам, праправнукам крепостных крестьян, испорченных оруэлловским новоязом советского периода, читая строки дореволюционных авторов, остается только шмыгать носом и тереть чумазые физиономии (говоря это, я прежде всего смотрю в зеркало). Тот «имперский» язык и стиль уже не вернуться. Опять же, такое эстетическое удовольствие остается отнюдь не от всех эмигрантских текстов, тем более, что в случае перевода почти все стилевые особенности теряются (главным образом потому, что автор писал не на родном языке).

Ну хорошо – переиздали что-то малоизвестное из Сорокина или Бердяева. К качеству авторов в этом случае претензий будет немного (заслуженные люди все-таки). Но при чем здесь экономическая социология? Правильный ответ – ни при чем. Ни один из авторов, издаваемых в рамках серии «Русское зарубежье», экономсоциологом не является. Но мне кажется, что эта серия в целом может быть довольно полезна и экономсоциологам. И прежде всего тем, что освещает некоторые стороны российской истории. А эта история, как мне представляется, очень мало осмысленна отечественными экономсоциологами. Ведь историей не должны заниматься только историки: у них свои задачи, у нас – свои.

Осмысление истории является ключевым моментом как минимум по трем причинам. Во-первых, экономическая социология начала складываться во многом благодаря попыткам

классиков осмыслить капитализм. Ну чем не исторический экскурс? У нас своя богатая и драматичная история, при исследовании которой могут возникнуть оригинальные социологические концепции. Почему нет?

Во-вторых, заикленность на злободневности представляется не слишком продуктивной. Зачастую это попытка осмыслить современность, исходя из нее самой. Между тем ведущие современные экономсоциологи часто обращаются к недавней или более отдаленной истории. И это понятно – для каких-либо теоретических обобщений нужен довольно длительный промежуток времени. Например, В. Зелизер в «Социальном значении денег» построила исследование на основе анализа документов – вполне себе работа историка⁴. То же можно сказать и о ее анализе американского рынка страхования жизни⁵. Н. Флигстин в «Трансформации корпоративного контроля» исследует историю (вернее отдельные ее моменты) американской промышленности за последние сто лет⁶. Они используют разные методы, разные подходы к историческому материалу, вообще это представители двух разных, очень непохожих направлений. Но история может осмысляться по-разному. И оба автора приходят в итоге к некоторым теоретическим выводам, уже не привязанным к определенному пространству и времени.

В-третьих, осмысление собственной истории по-видимому является едва ли не единственным способом наконец создать что-то похожее на национальный стиль в социологии. Речь не идет о какой-то особой российской теории в социологии и не о пресловутой адаптации западных теорий к нашим реалиям. Социология, как и любая наука, универсальна. Речь идет именно о стиле, тоне, вкусе, способе постановки вопросов, называйте как хотите. У французов он один, у немцев – другой, у американцев – третий. При этом и первые, и вторые, и третьи являются представителями универсальной по своей природе социологии и прекрасно друг друга понимают. Осмысление собственной истории может дать некоторые понятия, «словечки», которые будут схватывать нашу действительность и которые при этом не будут оторваны от мировой (а по сути – западной) социологической традиции. Ведь на Западе для очень многих явлений есть слова, которые их описывают и за которыми стоят теоретические построения, а не простой здравый смысл. Для этого было потрачено много сил лучших умов. Причем эта логика работает и за пределами обществ Запада. Взять хотя бы понятие неформальной экономики, которое появилось при изучении западными исследователями хозяйств стран третьего мира. Возникнув, оно быстро показало свою универсальность и вскоре стало применяться при исследовании экономики самых что ни есть развитых капиталистических стран. Или, например, Дж. Скотт, изучая крестьянство Юго-Восточной Азии, ввел в оборот понятия «оружие слабых» и «моральная экономика», которые стали универсальными. Если представить, что на месте Скотта оказался бы наш соотечественник, то возможно теперь говорили бы о какой-либо российской социологической школе.

За примерами удачного сотрудничества социолога и историка далеко ходить не надо – есть пример совместной работы Т. Шанина и В.П. Данилова, посвященной крестьянской войне в России 1902–1922 гг.⁷. На мой взгляд, это отличный сплав классного теоретика и классного

⁴ *Зелизер В.* Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. М.: ГУ–ВШЭ, 2004.

⁵ *Zelizer V.* *Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States.* New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1983.

⁶ *Fligstein N.* *The Transformation of Corporate Control.* Cambridge: Harvard University Press, 1993.

⁷ *Шанин Т.* Крестьянские войны в России. 1902–1922 гг. Выступление на аграрном семинаре памяти Виктора Петровича Данилова 4-5 марта 2005 г. // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность.* Ученые записки. 2005 г. Вып. 5. М., 2006.

историка-архивиста. С одной стороны, «Неудобный класс», с другой – сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД». До теоретических обобщений они так и не дошли, так как в 2004 г. В.П. Данилов умер, но его работа продолжается другими.

Книги, выходящие в рамках серии «Русское зарубежье», как раз интересны своим взглядом на историю нашей страны. Но это не чудодейственное средство – прочитал, и тут же российская социология так и поперла как на дрожжах. Это всего лишь один из источников, с которым нужно работать. Готовых ответов эти работы не дают, но вот помочь поставить вопросы, по-моему, могут.

Таким нам представляется значение серии «Русское зарубежье: социально-экономическая мысль». Работы там очень разные, поэтому о каждой из них надо говорить отдельно, чем мы и займемся в следующих номерах журнала.